

Разработка государственной идеологии должна строиться с учетом тех проблем, которые стоят сегодня перед каждым отдельным человеком, независимо от его вероисповедания.

Главным условием преодоления межконфессиональных противоречий должно стать, во-первых, отделение от государства всех религиозных организаций, которые не должны влиять на процесс принятия политических решений, а во-вторых, равенство всех конфессиональных объединений перед законом. Снижения уровня религиозной вражды можно добиться путем выработки объединяющей национальной идеологии, развития системы образования и увеличения уровня информированности граждан о каждой религиозной традиции.

Список литературы:

1. Абдулагатов З. Российские православные и мусульмане: общие проблемы – разные взгляды // Общественные науки и современность. 2004. № 2. с. 143-153.
2. Филь М. Влияние религиозного фактора на рост этнонационализма в современной России // Власть. 2005. № 9. с. 44-50.

Сулонов П.Е.

О теоретико-методологическом статусе термина « тоталитарная секта »

Еще древние знали, что многие сложности в жизни людей возникают из-за неправильно понятых неправильно употребляемых слов и выражений. Не стала исключением и сфера изучения религии. Проблема разработки категориального аппарата всегда остается актуальной для любой науки, но в случае с систематическим изучением религии, религиоведением принимает особую сложность и остроту. Этому, на мой взгляд, есть две основные причины.

Во-первых, само «религиоведение» в теоретико-методологическом плане представляет собирательное понятие, совокупность дисциплин, изучающих религию во всех ее аспектах. Эти дисциплины (философия религии, история религии, социология религии, психология религии, феноменология религии и т.д.) имеют, при совпадении объекта, зачастую разное предметное поле изучения и используют специфические методы. Поэтому уместно говорить как о единой, так и о специфической для каждой дисциплины терминологии.

Во – вторых, существует проблема мировоззренческой и идеологической ангажированности исследователя религии. Эта проблема сама по себе является темой отдельного исследования, поиском ответа на вопрос: возможно ли научное, то есть объективное изучение религии религиозно мыслящими исследователями? В нашем случае речь идет мировоззренческой основе используемого при изучении религиозных процессов понятийно-категориального аппарата.

Термин «тоталитарная секта» нельзя отнести к академическим, само его происхождение носит во многом ситуативный характер и было обусловлено сугубо практическими потребностями информационного и преподавательского характера. Считающийся родоначальником данного термина А.Л. Дворкин отмечает: «Когда в 1993 году автор впервые использовал термин *тоталитарная секта*, то не думал, что вводит новое понятие, – настолько само собой разумеющимся он казался. По всей видимости, термин этот показался столь же очевидным всему нашему обществу: похоже , что он был у всех на кончике языка, и лишь случайно кто-то употребил его первым» (А.Л.Дворкин Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Издательство братства во имя св. князя Александра Невского. Нижний Новгород, 2000.) Последующие более чем десять лет публичной жизни данного термина лишь подтвердила востребованность и вместе с тем массовость и публицистичность данного термина: он используется, прежде всего, церковными и светскими журналистами, общественными деятелями, популяризаторами богословских знаний, рядом государственных чиновников и

даже сотрудниками правоохранительных органов. Но в то же время в чисто научной среде профессиональных религиоведов отношение к термину «тоталитарная секта» (как, впрочем, и к родственному ему термину «деструктивный культ») весьма и весьма неоднозначно. В качестве примера можно привести позицию одного из отечественных религиоведов профессора И.Я. Кантерова, пишущего, что «открытие данного термина и «вбрасывание» его в широкое обращение можно с большой долей уверенности считать отечественным «ноу-хау». Но также следует иметь в виду, что значительная часть представителей отечественного научного религиоведения в своих исследованиях и преподавательской работе не пользуются терминами «тоталитарная секта» и «деструктивный культ». Во всяком случае, это относится к московским, санкт-петербургским и уральским светским религиоведческим центрам и школам» (Игорь Кантеров «Деструктивные», «тоталитарные»... и далее везде» <http://scientology.spb.ru/journal/131102/1.htm>).

Налицо расхождение между публичной практикой использования терминов «тоталитарная секта» и «деструктивный культ» и формальной позицией официальной науки, изучающей религиоведение, которая их просто умалчивает. В то же время периодически появляются довольно резкие выпады против их использования, например, на региональной НПК 12.04.2006г. в одном из коммерческих вузов Челябинска «Свобода совести и этноконфессиональная толерантность – условия формирования гражданского общества», организованной Российским объединением исследователей религии, Уральским филиалом Евразийского отделения МАРС, Ассамблей народов Челябинской области, Советом по толерантности Свердловской области, Челябинским филиалом Университета РАО, Центром историко-культурного наследия г. Челябинска. «В итоговом документе этого собрания людей, позиционировавших себя как «религиоведов, преподавателей вузов, представителей государственных и муниципальных органов власти, религиозных и национальных организаций, работников культуры» и видимо заполучивших, по нашему глубокому убеждению, некоторых представителей

власти и серьезной науки неким обманным способом, одной из «причин дестабилизирующих факторов, негативно влияющих на состояние государственно-конфессиональных отношений и затрудняющих формирование основ гражданского общества» назвали употребление словосочетания «тоталитарно-деструктивная секта». (Защита свободы от совести и греха от нравственности <http://www.propovednik.ru/news.php?view=314>).

В данной статье мне бы хотелось остаться в рамках объективного научного исследования и избежать пристрастных оценок оппонентов. Поэтому я воздержусь от личных характеристик отдельных исследователей и организаций и обращусь исключительно к сути их отдельных аргументов.

Одним из главных аргументов противников использования данных терминов является их конфессиональная ангажированность. Действительно, термин «секта» используется в православной среде (например, курс «Сектоведение» в духовных учебных заведениях), но сам по себе он давно уже стал частью обиходной русской речи., о чем свидетельствует его присутствие в наиболее распространенных словарях. Словарь иностранных слов под редакцией Ф.Н.Петрова: «Секта – религиозная община, отколовшаяся от господствующей церкви; замкнутая группа, чуждающаяся широких масс». Мультимедийная энциклопедия “Кирилл и Мефодий” 1996 года: “Секта – религиозная группа, община, отколовшаяся от господствующей церкви. В переносном смысле – группа лиц, замкнувшихся в своих узких интересах”. Толковый словарь В.Даля: «Секта -- братство, принявшее свое, отдельное учение о вере; согласие, толк, раскол или ересь».

В этих определениях не идет речь об оценке со стороны одной из религий, а скорее подчеркивается социологический смысл данного понятия, оппозиционность некоего религиозного меньшинства по отношению к культуруобразующей для данного общества религиозной группе.

То же самое можно сказать и по отношению к термину «культ». Словарь иностранных слов под редакцией А.Г.Спиркина определяет культ (от латинского cultus «почитание») как один из обязательных элементов любой

религии, выражающийся в особых магических обрядах, действиях священнослужителей и верующих с целью оказать желаемое воздействие на сверхъестественные силы. По словарю русского языка С.И.Ожегова, культ – это: «1. Религиозное служение божеству и связанные с этим обряды. 2. Преклонение перед кем-нибудь или чем-нибудь, почитание». Этот термин, во-первых, активно применялся и применяется в официальных правовых источниках для наименования элементов религиозной жизни: культовые здания, служители культа и т.д. Например, статья 16 «Религиозные обряды и церемонии» Федерального закона РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (от 26 сентября 1997 г.): «Религиозные организации вправе основывать и содержать культовые здания и сооружения...»

Таким образом, в употреблении понятий «секта» и «культ» нельзя усмотреть ничего дискриминационного или допускающего произвольное толкование. «Понятия “секта” и “культ” сами по себе не несут какой-либо оскорбительной смысловой нагрузки. Это понятия широко распространенные в объективно отражают характер деятельности некоторых религиозных групп. В авторитетных словарях и научных исследованиях приводятся в целом сходные определения этих слов, и они нигде не трактуются в уничижительном, презрительном или оскорбительном смысле, означая всего лишь понятия о некоей обособленной группе по отношению к той или иной религии» (Официальное разъяснение характера и смысловой нагрузки термина “секта”, выполненное доктором филологических наук В.Ю.Троицким по запросу профессора Российской академии государственной службы при Президенте РФ М.Н.Кузнецова, январь 1999 г. <http://stolica.narod.ru/defin/troi.htm>).

Несколько сложнее обстоит дело с прилагательными «тоталитарная» и «деструктивный». Действительно, учитывая отечественную историю, сам термин «тоталитарный» является «знаковым и узнаваемым» для наших сограждан. Но этот факт не может служить достаточным основанием для отказа от использования данного термина в научном обороте. На наш взгляд, авторы, критикующие его использование, сами совершают ряд методологических

ошибок. Во-первых, смешиваются понятия «тотальный» и «тоталитарный». Например, И.Я.Кантеров пишет: «При желании к разряду «тоталитарных» могут быть отнесены монастырские обители и религиозные ордена, поскольку их вряд ли можно назвать оазисами безбрежного духовного плюрализма». (Игорь Кантеров «Деструктивные», «тоталитарные»... и далее везде <http://scientology.spb.ru/journal/131102/1.htm>). Но в данном случае речь идет о бесспорной, цельной, всеобщей истине, претензии на которую высказывает *любая* религия. В случае же с тоталитаризмом акцент делается на деятельностном аспекте, *средствах* достижения «тотальной» цели.

Во-вторых, в самом начале вышеназванной статьи профессор Кантеров заявляет о необходимости и важности типологизации религий, то есть систем, ядром которых является вероучение, догматика. Но предлагаемые признаки тоталитарной секты (вождизм, многоуровневая истина, препятствия к выходу из организации и некоторые другие) как раз и не касаются прямо догматики, а указывают на деятельность *организации* по отношению к своему последователю (адепту), и всему окружающему обществу. Сам Кантеров признает, что «.....заклучение об антиобщественной направленности того или иного религиозного объединения должно основываться не только на изучении одних лишь вероучительных документов, но и деяний, нарушающих общественный порядок, подрывающих безопасность государства, посягающих на права и свободы личности. При этом эксперту необходимо оценивать современные (желательно самые последние) версии вероучительного комплекса, обрядовой практики, социальных программ и деятельности религиозного объединения» (Игорь Кантеров. Экспертные советы как субъекты конфессиональной политики <http://religion.sova-center.ru/publications/2ECD470/31256E5>).

В-третьих, наши оппоненты подменяют сам предмет спора, говоря о якобы имеющихся планах и предложениях непосредственного включения в местное и федеральное законодательство терминов «тоталитарная секта» и «деструктивный культ», хотя изначально речь шла лишь о допустимости их

использования в научной среде. Неотъемлемым правом каждого исследователя является возможность создания использования любого категориального аппарата в рамках морального и правового поля. Научные термины, понятия и категории складываются в течении времени, в рамках определенной исследовательской парадигмы и не могут быть запрещены мнением отдельных научных школ и учреждений.

В то же время мы не можем не учитывать критики со стороны коллег и поэтому предлагаем свою версию «жизнеспособности» обсуждаемых терминов.

Оставаясь востребованными исследователями новых религиозных движений, термины «тоталитарная секта» и «деструктивный культ» имеют внерелигиоведческое происхождение и сущность. Взглянув на приводимые в литературе сущностные признаки тоталитарных сект, легко заметить, что речь идет не о богословских или религиоведческих, а скорее о философско-правовых категориях.

Философия права рассматривает должное а праве, решает вопрос о соотношении правового идеала и наличного права. Одной из ключевых тем данного раздела философии являются права человека как мера возможного поведения. И признаки тоталитарной секты как раз и выражают возможность нарушения этих прав. Например, препятствия к выходу из организации – нарушение права на выбор места пребывания, рода занятий, местожительства и т.д. Наличие в организации многоуровневой истины – это нарушение права на полную и объективную информацию. Использование сомнительных методик контролирования сознания – это посягательства на здоровье и жизнь.

Резонно возразить: а почему тогда просто не обращаться в суд и не закрывать конкретные организации? Статья 14 действующего федерального Закона «О свободе совести о религиозных объединениях» содержит подробный перечень оснований, в соответствии с которыми деятельность религиозных объединений может быть ликвидирована или запрещена. Это могут быть принуждение к разрушению семьи, посягательство на личность, права и свободы граждан, нанесение ущерба нравственности, здоровью, в том числе и с

использованием в связи с религиозной деятельностью наркотических и психотропных средств, гипноза. Содержание пунктов ст. 14 включает в себя почти все обвинения, выдвигаемые против религиозных объединений, чаще всего причисляемых к «тоталитарным» или «деструктивным». Поэтому каждый раз, когда становится известно о нарушении религиозной организацией или группой ст.14, следует незамедлительно обращаться в правоохранительные органы и в установленном порядке добиваться ликвидации или запрета деятельности такого объединения.

Однако правоохранительная деятельность – это не только карательные, но и профилактические меры воздействия. Поэтому крайне важным представляется вооружить сотрудников компетентных органов, чиновников и простых сограждан не только простыми и легкими решениями в виде норм позитивного права (хотя существует слабость в нашем государстве именно нормативно-правовой базы в этом вопросе). Необходима методология анализа религиозной жизни на предмет реализации в ней прав и свобод человека, безопасности личности, общества и государства, реализации национально-государственных интересов. Отдельно взятый чиновник или гражданин лично может быть индифферентен к религиозным учениям. Но он не может остаться равнодушным к проблемам реальности, не потустороннего мира, жизни «здесь и сейчас». Концепции же, включающие в себя обсуждаемые понятия, могут служить таким руководящим началом.

Свободное распространение таких концепций и терминов не является клеветой и оскорблением, как не является, допустим, оскорблением для автора отрицательный отзыв критика в сфере искусства. В современных условиях определение тоталитарной секты не запускает юридический механизм ограничения деятельности. Этот термин не касается и собственно религиозных чувств и вероучения, так сам А.Л.Дворкин признает, тоталитарная секта может находиться и внутри традиционной религии, например православия (так называемое «младостарчество»), а может быть вообще вне рамок религии в обычном смысле этого слова («коммерческие культы»).

В качестве вывода хотелось пожелать избегать предвзятого или поверхностного отношения к терминам «тоталитарная секта» и «деструктивный культ». Они и далее нуждаются в теоретико-методологической разработке, но с учетом их философско-правового наполнения и статуса. Следует еще раз подчеркнуть полипредметность изучения феномена религии, религиозных и квазирелигиозных процессов и объединений в нашем обществе. Религиозная жизнь не может протекать изолированно от остального общества, поэтому проблема прав человека, безопасности личности и общества должна получить свое методологическое и категориальное преломление и воплощение.